

■ ИСКУССТВО ЖИТЬ ДОСТОЙНО

Окуджаву и Пушкин были соседями

Владимир
1999. - 25 нояб.
- 19 ок. - с. 9

Закончилась первая международная конференция,
посвященная 75-летию Окуджавы

Конференция прошла в Переделкине: в тех местах, где поэт прожил последние годы и где сегодня открыт его музей. Одни из участников были академичны, другие эмоциональны, третьи — делились воспоминаниями. Однако одно из наиболее интересных выступлений конференции воспеvalo не переделкинские аллеи, а арбатские дворы: «Окуджаву и арбатство». Словечко, изобретенное арбатскими школьниками, неотделимо от имени Окуджавы, благодаря которому уникальность этой местности Москвы признают сегодня все, вне зависимости от возраста и объема знаний. Почему? На этот вопрос отвечает Сигурд ШМИДТ.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ рассказывал, как встретился с Окуджавой в Стокгольме. Туда, по приглашению Нобелевского комитета, приехали двое, олицетворяющие для Запада нравственность культуры России. Ученый подписал поэту свою книгу: «Дорогому Булату Шалвовичу Окуджаве, самому замечательному, самому любимому, самому благородному, на добрую память о незабываемой встрече в Стокгольме». Почему я об этом вспомнил? Потому, что, хотя и прожил долгую жизнь, многих чествовал и хоронил, только дважды видел действительно искреннюю народную любовь: на юбилее Окуджавы и на панихиде по нему. И Лихачев, и сотни известных людей, и тысячи безымянных — все ощущали внутреннюю потребность обращения к Окуджаве, желание согреть и очистить себя рядом с ним. Говоря словами самого поэта — «говорить друг другу комплименты».

Тот же Лихачев написал, что Окуджаву — человек, возродивший искусство рапсодов, открывший новое, воскресив старое. В основе словесного искусства всегда лежало устное слово. Традицию Гомера и «Слова о полку Игореве» продолжали Бернс, Гейне, Пушкин: их заучивали и читали наизусть. В наше время устное слово переродилось в песню. Но Окуджаву недаром не

любил слово «бард», он — выше жанра авторской песни. Многие его слушают, но еще больше людей — читают. Окуджаву поднимает вопросы любви и долга, достоинства и дружбы, знакомые и пленявшие души разных народов и разных поколений.

С Пушкиным Окуджаву связывает еще одна нить. Некоторые называют Окуджаву «шестидесятником». Это неточно: так можно именовать тех, кто проявил свои дарования уже после XX съезда. Булат Шалвович был старше, он пережил состояние сына врага народа, прошел войну. И оказался едва ли не единственным, кто, сохраняя мудрость опыта и свойственное молодости чистое восприятие, был принят этим поколением. На свете много людей добрых, еще больше — умных, но гармоничное сочетание доброты и мудрости — редкость. Оно порождает гармоничную доброжелательность и естественное, доступное всем мастерство. Оно было у Окуджавы и оно было у Пушкина.

Общепринято объединять представления о Булате и об арбатстве. Арбатство в ощущениях и рассуждениях Булата символизирует подлинную интеллигентность, уважение к мнению других и самоуважение. И это, может быть, даже в большей мере, чем

ностальгия по ощущениям детства, влекло Булата к образу Арбата и утверждению его в нашем сознании. Эта линия приходит к эпохе Пушкина, как выразился Блок, «единственной культурной эпохе в России XIX века», и не случайно именно к этому времени обратился Булат в своей поздней прозе.

Как-то мы встретились с Булатом на Арбате. Это было в тот год, когда только поставили фонари. Булат сокрушался, что Арбат, который он знал и любил, исчезает. Но потом поправился: нет, не исчезает. Арбат уже стал символом. Не только символом места, не только романтическим образом, но и обозначением преемственности поколений. Арбат стал символом московской интеллигентности, восходящей к Пушкину, Лермонтову и Герцену, проходящей через символистов. Символом России для уехавших за рубеж Зайцева, Бунина, Осоргина.

Арбат не терпит лживости и неискренности, оттого в стихах Окуджавы никогда не слышишь надрыва. Его слова, сам их подбор, не просто трогают душу, но просвещают. Для Булата абсолютно естественное обучение и воспитание. Оттого Окуджаву стал вечным и нужным людям разных поколений. Но в отличие от своих предшественников — от Карамзина до Пушкина, — Окуджаву жил в эпоху, когда поэтов знают в лицо. И личное обаяние поэта, его непоказной демократизм и доброжелательность сыграли свою неопценимую роль. Вокруг его имени не было ни слухов, ни сплетен, он вел простую семейную жизнь и этим тоже привлекал многих. Он не был безгрешным, но был человеком. Он не был красавцем, но был красивым человеком. За ним, таким волнующе современным, всегда просвечивали прошлые века.

Участник конференции Александр Кушнер объявил о готовящемся издании сборника Окуджавы в большой «Библиотеке поэта». Действительно, мы уже ощущаем, что Окуджаву — классик. Придется примириться даже с чудовищно звучащим термином «окуджавоведение».

